

ISSN 0042-8744

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

7

1984

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 7

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА,
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

1984

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные социально-философские проблемы современности в свете решений XXVI съезда КПСС	
В. Е. Чиркин — Социалистическая ориентация развивающихся стран: единство и противоречивость политической системы . . .	3
Социально-философские проблемы развитого социалистического общества	
Л. А. Гордон, А. К. Назимова — Техничко-технологический прогресс и социальное развитие советского рабочего класса . . .	18
Диалектика и современное научное познание	
О. В. Фурманова — О соотношении логического и интуитивного в творческом процессе	39
Человек — общество — природа	
Ю. А. Косыгин (Хабаровск) — Земля и общество	47
Философские проблемы культуры	
А. Л. Казин (Ленинград) — Художественный образ и документ (О месте киноискусства в культуре)	53
От редакции	63
Леопольдо Сеа (Мексика) — История идей и философия истории	63
Из истории отечественной культуры	
А. А. Нестеренко (Калуга) — Проблема «авторского начала» в художественном творчестве Л. Н. Толстого	70
Историко-философские исследования и проблемы	
Н. В. Мотрошилова — Современное исследование философии Гегеля: новые тексты и проблемы	81
ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ	
Х. Р. Фабело (Куба) — Проблема истинности оценки	95
Б. А. Навроцкий (Волгоград) — Исторические объяснения и их роль в современной биологии	100
ФИЛОСОФИЯ ЗА РУБЕЖОМ	
И. А. Бутенко — «Практическая герменевтика» социологов-феноменологов	104
Д. М. Ханин — Эстетическая концепция Романа Ингардена и ее анализ в современной эстетике	111

Проблема истинности оценки

Х. Р. ФАБЕЛО (Куба)

Для марксистско-ленинской философии особенно важное значение имеет вопрос об истинности оценки. В известном смысле — это ключевая проблема, ибо она, будучи предметом сознательных или несознательных искажений со стороны буржуазных философов, служит им почвой для отрицания научности идеологии вообще и марксистско-ленинской идеологии в частности. Поэтому научное решение проблемы истинности оценки предстает как первостепенная задача теории марксизма-ленинизма в борьбе с ее идеологическими противниками.

Сущность взглядов большинства буржуазных философов по этому поводу заключается в отрицании возможности определения оценочных суждений в качестве истинных или ложных. Оценочные суждения, с их точки зрения, не имеют дела с фактами, не содержат объективной информации о существующих вещах и поэтому не могут давать верного отражения действительности. Так как оценка находится вне собственно теоретического познания и определяется внутренними субъективными желаниями и вкусами субъекта, ее нельзя характеризовать как истинную или ложную. Истинными или ложными могут быть суждения, констатирующие факты, но не суждения, дающие оценку этим фактам. На этом основании утверждается, что идеология не может быть истинной, научной, ибо она состоит из оценочных суждений.

Так, американский социолог Дж. Роусек отмечает, что идеология — это система идей, не отражающих действительность, а прежде всего приписывающих определенный взгляд на мир в соответствии с тем, что должно быть. Идеология, по его мнению, насыщена ценностями, субъективными оценками, а последние не в состоянии выразить истинное отражение¹. По мнению другого представителя американской социологии — И. Горовица, — всякая идеология является «оправданием революционных или реакционных интересов или позиций в политической жизни»². Поэтому идеоло-

гия в принципе не может быть последовательно истинной, научной, она представляет собой «амальгаму истинного и ложного сознания»³, ее смысл заключается в способности объединить людей для какого-то совместного политического действия.

Такого же мнения или его вариантов придерживаются и другие авторы, которые исходят из отрицания истинности оценки. Философы неопозитивистского направления, например, считают, что оценочные суждения не могут быть верифицированы, т. е. сверены с фактами чувственного опыта, поскольку они выражают не факты, а отношение человека к этим фактам. Следовательно, они не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты. Весьма распространены у современных неопозитивистов попытки дискредитировать оценочные суждения на том основании, что они содержат классовый, а поэтому будто бы ограниченный интерес, обуславливающий «ненстинное видение» социальных явлений⁴.

Мнение о несовместимости истины и оценки, науки и идеологии пользуется большой популярностью среди мыслителей латиноамериканского континента. Такой точки зрения придерживаются не только явно буржуазные философы и ревизионисты, но даже определенные прогрессивные мыслители, которые под воздействием буржуазной пропаганды не поднимаются до научного понимания сущности оценочно-идеологических процессов.

Так, Антонио Касо — мексиканский философ-идеалист начала XX в., касаясь в основном этических оценок, отрицал возможность их научного обоснования. По его мнению, мораль не входит в поле зрения науки; последняя «может предлагать нам только результаты относительные, но никогда — нормы, необходимые для действия... ..одно дело — это сфера науки, совсем другое — сфера морали»⁵. Подобные аргументы мы встречаем также у перуанского философа Алахандро О. Деустуа, по мнению которого нельзя говорить об истинности моральных

³ Там же.

⁴ См., напр.: К. М а н н х е и м. *Ideologia y utopia*. Madrid, 1958.

⁵ А. К а с о. *La Filosofia moral de Don Eugenio*. M. de Hostoi. En Conferencias del Ateneo de la Juventud. Mexico, 1910, p. 29.

¹ J. S. Rousek. *A History of the Concept of Ideology*. «Journal of the History of Ideas», 1944, vol. V, № 4, p. 479—480.

² I. L. Horowitz. *Radicalism and the Revolt Against Reason*. London, 1961, p. 130.

оценок. Этические ценности иррациональны и зависят от чувств; воля есть первостепенная функция в нравственной жизни⁶.

Другой мексиканский философ, Луис Рекасенс Сичес, подчеркивая объективный характер ценностей, в то же время говорит, что эта объективность имеет значение лишь для индивидуальной жизни отдельно взятого человека, поскольку «ничего не существует для меня и ничего не имеет для меня смысл за рамками моей жизни»⁷. При таком понимании проблемы фактически отрицается возможность объективно-истинного представления о ценностях социальной действительности, оценка (и идеология, основанная на оценочных суждениях) лишается какого бы то ни было объективного содержания.

В своей статье «Конец идеологии» венесуэльский писатель Артуро Услар-Пиетре утверждает, что идеология все более и более заменяется наукой. Развитие научного познания доказывает фальшивость всех существующих идеологий. «Детерминизм, простой эволюционизм, марксизм... становятся объектом анализа науки и опровергаются ею»⁸. В подобном же духе ревизионизма высказывается Людовико Сильва, который, извращая марксистско-ленинское учение об идеологии, утверждает, что функция всякой идеологии заключается в маскировке и оправдании определенных материальных интересов и поэтому недопустимо говорить о пролетарской научной идеологии. Идеология и наука, так же как оценка и истина, — несовместимые понятия⁹. К точке зрения, отрицающей научность всякой идеологии, присоединяются и другие авторы самых разных направлений¹⁰.

Приведенные примеры показывают, что многие буржуазные философы, в том числе и те, которые не считают себя таковыми, отрицают истинность оценки, делая на этом основании выводы идеологического характера. Сведение идеологии к системе оценочных суждений, а последних к заблуждению (или к суждениям, не являющимся ни истинными, ни ложными) — такова наиболее характерная черта буржуазной философии.

Критика таких взглядов, особенно тех, которые касаются отрицания научности всякой идеологии, нашла широкое отражение в марксистской литературе. В качестве аргумента для этой критики марксистские исследователи пользуются известным положением диалектико-материалистической философии о партийном характере познания

⁶ См.: S. Bondy. La Filosofía en el Perú. Lima, 1967.

⁷ L. Recasens Siches. Axiología jurídica y derecho natural. In: «XIII Congreso internacional de filosofía. Symposium sobre derecho natural y axiología». México, 1963. p. 128.

⁸ A. UsIar-Pietri. El fin de las ideologías. El Nacional, 14—III—71.

⁹ См.: L. Silva. Teoría y práctica de la ideología. México, 1977, p. 113 y sgtes.

¹⁰ См., напр.: C. Torres. Liberación ó muerte. La Habana, 1967, p. 25; O. Fals Borda. Ciencia propia y colonialismo intelectual. México, 1970, p. 74; и др.

общественных явлений. При этом выявляются социальные корни таких взглядов в буржуазной философии — противоположность ограниченных классовых интересов буржуазии общей тенденции общественного развития, что неизбежно приводит к искаженному пониманию значения общественных законов. Невозможность правильной оценки общественных событий в рамках буржуазного сознания интерпретируется его идеологами как невозможность истинной оценки вообще.

Однако следует отметить, что утверждение буржуазных философов о несовместимости понятий истины и оценки не просто абсурдно, оно имеет свои причины, состоящие в специфическом характере истинности оценки. Поэтому для плодотворной критики буржуазной философии по данному вопросу требуется не только выявление классовых корней, но и раскрытие тесно связанных с ними гносеологических основ этих взглядов.

Оценочные суждения действительно имеют свою специфику, и их нельзя верифицировать обычным способом. Эти суждения нельзя подтвердить как истинные или опровергнуть как ложные путем рассмотрения объективных свойств предметов и явлений действительности. В самих вещах, если их изолировать от наших потребностей и вкусов, мы не найдем свойства «приятности», «очаровательности», «хорошести», «благости» сами по себе. По этому поводу К. Маркс писал, что люди «приписывают предмету характер полезности, как будто присущий самому предмету, хотя овце едва ли представлялось бы одним из ее «полезных» свойств то, что она гонится в пищу человека»¹¹.

Отражение объективной реальности в оценках всегда преломляется через потребности и интересы субъекта. Более того, сами эти потребности и интересы входят в содержание оценочного отражения. Этот факт не может не оказать влияние на специфику оценочного суждения, истинность которого как-то теряет свое безразличное отношение к человеку и его потребностям.

Хотя оценочное отражение не противостоит познанию, оно в то же время и не тождественно ему. Эта нетождественность особенно ярко проявляется в решении вопроса об истинности. Поэтому специфичность оценочной истины может быть лучше понята, если ее сравнить с «чисто» познавательными истинами. Истинность обычно определяется как соответствие знания тому, что познается, соответствие субъективного отражения отражаемому объекту. Однако если истинность любого познания есть результат адекватного отражения объекта субъектом, то не всякое адекватное отражение представляет собой истинную оценку. Непосредственным объектом оценки является значимость предмета для субъекта, его интересов и потребностей. Любой предмет или явление может иметь вполне определенную значимость для одного субъекта и существенно иную значимость для другого

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 378.

субъекта, в соответствии с различиями в их потребностях и интересах. Оценка может быть правильной или неправильной, истинной или неистинной. Дело в том, что ее определение в качестве истины или лжи не совсем тождественно определению истинности в познании. Диалектический материализм учит, что к рассмотрению конкретных явлений нужно подходить диалектически, через призму диалектики общего и особенного. Нужно найти в рассматриваемом предмете то общее, которое свойственно всем предметам данного рода, но вместе с тем нужно раскрыть то особенное, которое только ему присуще, т. е. видовое отличие. Марксистско-ленинская философия старается установить в первую очередь общие свойства, которые присущи всем видам истинного отражения действительности, в том числе оценочного — зависимость его содержания от объективной действительности, соотношение в нем абсолютного и относительного, его конкретный характер и т. д. Дальше она устанавливает отличительные особенности отражения, например, в науке и в искусстве, в философии и в морали, в познании и в оценке.

Познавательная истина представляет собой отношение между идеальным образом и объективной действительностью¹². Оценочная истина, со своей стороны, есть отношение между идеальным образом, объективной действительностью и потребностями субъекта. Для познания истины степень адекватности отражения является определяющей именно потому, что в ней участвуют «только» два элемента, находящихся между собой в «непосредственном» отношении. В истине оценки это отношение опосредовано потребностями и интересами, поэтому здесь адекватность характеризует только одну сторону отношения — между оценкой и ее непосредственным объектом, т. е. значимостью предмета для субъекта, поскольку содержание оценки «насыщено» потребностями оценивающего субъекта. Адекватность отражения есть общее свойство истины, и как таковая она присуща оценочной истине, составляя первое ее необходимое условие. Однако одной адекватности недостаточно для определения оценки в качестве истины. В этом и проявляется «особенное» оценочной истины, которая основывается не только на адекватном отражении своего непосредственного объекта, но и на выполнении другого условия: те потребности и интересы, которые составляют основу оценочного суждения, должны совпадать (в общих, причем существенных, чертах) с потребностями и интересами общества в целом, с объективной тенденцией развития общества (или по крайней мере не противоречить им).

В своей речи на III Всероссийском съезде Российской Коммунистической Союз Молодежи В. И. Ленин подчеркнул, что «нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объ-

единению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидającego новое общество коммунистов... ..Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда...»¹³ Применяя этот методологический подход к оценкам социальных явлений вообще, мы можем сказать, что правильная истинная оценка — это та, которая способствует решению насущных задач, встающих в процессе развития перед обществом, содержит в себе представление о значимости явлений с позиций интересов общественного прогрессивного развития. За редким исключением здесь действует такое правило: в той мере, в какой потребности и интересы определенного субъекта (личности, социальной группы, класса) соответствуют тенденциям общественно-исторического развития, в той же мере их оценка социальной действительности является истинной (мы здесь допускаем выполнение первого условия истинной оценки — правильное отражение значимости для субъекта).

Поскольку ценность предметов и явлений объективной реальности не тождественна их положительной значимости для отдельного субъекта, а представляет собой общественную положительную значимость (т. е. для общества в целом), постольку оценка определенным субъектом этих же предметов и явлений может не соответствовать их действительной ценности. То есть субъект может отрицательно оценивать то, что действительно является ценностью, или, наоборот, может признавать как ценность то, что для общества имеет отрицательную значимость. Поэтому истинная оценка должна основываться на таких интересах, которые не противоречат общественному развитию, т. е. она должна в конечном счете правильно отражать общественную значимость оцениваемого предмета, его значимость для общества, воплощающую в себе общие интересы прогрессивного развития. Но это и есть объективная необходимость, не зависящая ни от человека, ни от его сознания, ни от потребностей, интересов и намерений какого бы то ни было конкретного человека. Последние могут только в лучшем случае выразить или воплотить в себе эту объективную необходимость, но не могут производить ее. «У нас постоянно делают ту ошибку, — писал В. И. Ленин, — что оценивают лозунги, тактику известной партии или группы, ее направление вообще, по намерениям или мотивам, которые сама эта группа выдвигает. Такая оценка никуда не годится. Благими намерениями — это давно уже сказано — вымощен ад»¹⁴. И далее: «Дело не в намерениях, не в мотивах, не в словах, а в той объективной, от них независимой, обстановке, которая определяет судьбу и значение лозунгов, тактики или вообще направления данной партии или группы»¹⁵.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 311—313.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 335.

¹⁵ Там же.

¹² Мы здесь отвлекаемся от всей совокупности ценностных и оценочных факторов, обуславливающих формирование данного идеального образа.

Таким образом, истинность оценки определяется в конечном счете ее соответствием или несоответствием ценности, общественной значимости предмета. Сама ценность не является ни истинной, ни ложной, она объективна и не зависит от познавательной или оценочной деятельности человека, она определена местом, которое предмет занимает в объективной системе общественных отношений. Истинным или ложным может быть только ее отражение в сознании людей.

Тот факт, что общественная значимость, ценность предметов объективна и не зависит от потребностей и интересов оценивающего субъекта, дает ей возможность самой выступать в качестве объекта не только оценки, но и познания. Она может быть познана (и на деле познается) человеком как любое объективное явление. У человеческого сознания, в принципе нет пределов в познании объективной реальности. Познанием общественной значимости предметов занимаются в большей или меньшей мере все науки, и главным образом общественные науки, в объект которых включаются и ценности общества. Даже существует специальный раздел философии, занимающийся «исключительно» ценностями и их закономерностями, — аксиология. Это обстоятельство и вместе с ним факт тесного переплетения оценочной и познавательной деятельности человека служат основанием для мнения, очень распространенного в марксистской философии, о том, что оценка является видом познания, сводится к нему. Однако, если рассмотреть познание и оценку изолированно друг от друга, мы увидим, что их отношения к значимости как объекту отражения отличаются друг от друга. Познание интересуется объективными связями предмета с обществом и его развитием безотносительно к потребностям и интересам познающего субъекта. Оценка тоже отражает общественную значимость, но отражает ее только в конечном счете, через посредство потребностей и интересов оценивающего субъекта. Оценка выражает не только и не столько отношение предмета к обществу, сколько его отношение к самому субъекту, его конкретным целям. Поэтому непосредственным объектом оценки является не общественная значимость, а значимость для субъекта.

И дело не в том, что человек сознательно искажает в процессе оценки общественную значимость предмета, когда последняя не соответствует его интересам. Это может происходить и несознательно (обычно так и происходит), ибо человек может оценивать только на основе своих собственных интересов и потребностей. При этом он воспринимает свою оценку как истинную и общую. Его «собственные» ценности и общественные действительные ценности для него мало чем отличаются друг от друга. Остроумно эту мысль выразил Ф. Энгельс в одном из своих писем К. Марксу. «...Публика, то есть филистерство, нас заранее ненавидит; нас обвиняют, если и не в том, что мы питаем *odium generis humani* (ненависть к роду человеческому.— Х. Ф.),

то во всяком случае в том, что мы питаем *odium generis* (ненависть к роду.— Х. Ф.). буржуа, а ведь для них это одно и то же»¹⁶.

Совсем другое дело, когда интересы, потребности и цели конкретного субъекта и общества совпадают. В таком случае нет противоречий между оценкой предмета и познанием его общественной значимости, они совпадают, но опять-таки как результаты относительно самостоятельных процессов, и поэтому их отождествление недопустимо. Отсюда следует еще один важный вывод: истинность познания общественной значимости предмета может служить надежным критерием или показателем истинности его оценки, ибо обе они (истинность познания и истинность оценки) определены в конечном счете объективными связями предмета с требованиями общественного развития.

Сейчас мы уже в состоянии дать ответ на вопрос о возможности существования научной, истинной идеологии, на который буржуазные философы, как правило, дают отрицательный ответ. Все «идеи, концепции и теории, составляющие идеологию, имеют свой источник в материальной жизни общества, т. е. они отражают общественное бытие, и таким образом отражают классовую позицию конкретных людей»¹⁷. Отсюда следует, что в идеологии тесно переплетается оценочное и познавательное отражение действительности. Она не сводится ни к оценочному, ни к познавательному ее содержаниям. Однако определяющим фактором в идеологии является ее оценочный компонент, представляющий собой выражение интересов определенной общественной группы, класса или общества в целом. Именно оценочный характер идеологии составляет ее специфику по сравнению, например, с наукой, где преобладает познавательный компонент. Определяющая роль, которую играет оценка в идеологии, особенно заметна в идеологических системах реакционных классов. Интересы реакционного класса противоречат общей тенденции общественного развития, поэтому он не заинтересован в объективном познании общественных законов. Реакционная идеология искажает истину, и не только оценочную, но и познавательную истину. В таком положении находится идеология современной буржуазии. Утверждение буржуазных философов о том, что идеология не может быть научной, правомерно только лишь по отношению к реакционной идеологии, в том числе к их собственной буржуазной идеологии.

В отличие от реакционных классов в марксистско-ленинской идеологии оценка не тормозит познание общественных законов, а способствует ему, стимулирует его, т. е. оценка и познание находятся в отношениях

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 16.

¹⁷ J. G. Garcia Gallo. *Filosofia, ciencia e ideologia. Cómo la filosofía se hace ciencia con el marxismo.* La Habana. 1980. p. 118.

взаимообусловленности и взаимопроникновения. При определяющей роли оценочного компонента в идеологии рабочего класса оценка основывается на научном познании общественных законов, а познание, со своей стороны, обусловлено оценкой, выражающей интересы и потребности самого революционного класса в истории человечества. Пролетарская идеология, по очень точному замечанию В. И. Ленина, «соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью... внутренне и неразрывно»¹⁸. Общность интересов рабочего класса (которые в основном и являются интересами всех трудящихся) с объективной общественной необходимостью представляет собой причину совпадения в марксистско-ленинской идеологии познания общественной значимости социальных явлений с их оценкой. Отсюда научный, истинный характер идеологии марксизма-ленинизма в целом. «Научность и демократизм, революционность и гуманизм этой идеологии,— говорил товарищ К. У. Черненко на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС,— коренным образом отличают ее от идеологии буржуазной, которая оправдывает и благословляет эксплуататорские порядки и агрессивную политику империализма, проповедует национализм и шовинизм. В противоположность буржуазной коммунистическая идеология привлекает умы и сердца миллионов своей истинностью и честностью, цельностью и оптимизмом. Это идеология восходящего класса, идеология нового общества, идеология мира и дружбы между народами»¹⁹.

До сих пор речь шла о втором условии истинности оценки, составляющем ее главную специфику по сравнению с истиной в познании. Однако при всей важности этого второго условия нельзя не учитывать в оценочной истине необходимость выполнения первого общего для всякого истинного отражения условия — стремления к адекватности отражения объекта. Без правильного отражения своего объекта оценочная истина так же невозможна, как и без совпадения (или непротиворечия) интересов субъекта с интересами общества.

Ложная оценка может быть продуктом неправильного отражения своего непосредственного объекта — значимости предмета для субъекта, что объясняет возможность появления ошибочных оценок также у субъекта, занимающего социально-прогрессивные позиции. Причины неадекватности осознания субъектом значимости, которую для него имеет определенное явление, могут быть разными. Во-первых, она (неадекватность) может обуславливаться ложным или неполным познавательным отражением предмета. Чтобы правильно оценить определенный предмет, субъекту необходимо объективное знание его свойств. Чем глубже и всестороннее знание предмета, тем правильнее и научнее будет его оценка. «Если

при оценке революционных периодов,— пишет В. И. Ленин,— мы ограничиваемся определением линии действия разных классов, не анализируя форм их борьбы, то наше рассуждение с научной стороны будет неполно, недиалектично, а с практическо-политической стороны оно выродится в мертвое резонерство...»²⁰.

Во-вторых, к неправильной оценке значимости может привести неверное отражение субъектом своих потребностей и интересов. Осознание человеком своих объективных интересов есть процесс исторический, и, как всякое осознание, оно может быть адекватным или не вполне адекватным или даже извращенным. Примером того, как происходит осознание интересов и как оно воздействует на оценку явления, может служить процесс развития самосознания рабочего класса, приводящий его к коренному изменению отношения к капиталистам и капиталистическому обществу. В ряде своих трудов В. И. Ленин ярко показывает, как в ходе развития пролетариата происходит осознание им своих жизненных интересов и вместе с тем переход от стихийной, неполной оценки общественной действительности к научной, более глубокой ее оценке²¹.

Наконец, в-третьих, причиной неправильной оценки может быть неадекватный выбор оценочного эквивалента, эталона, с которым сравнивается оцениваемый предмет. Конечно, ошибка в выборе стандарта может быть продуктом, в свою очередь, неистинного познания предмета или неполного осознания субъектом своих потребностей. В таком случае она не является сама по себе причиной неадекватного отражения значимости, а скорее всего следствием других причин. Но может случиться, что субъект правильно отражает и предмет и потребности и, несмотря на это, использует в качестве эталона сравнения норму, взгляд или идеал, которые сами по себе неправильны. Таковы, например, оценки, сделанные на основе определенных предрассудков, которые, хотя уже опровергнуты развитием науки и практики, продолжают действовать в течение определенного времени в сознании людей.

Все сказанное приводит к необходимости искать критерий истинности человеческих оценок. Как уже было отмечено, надежным показателем истинности оценки может служить истинное познание общественной значимости оцениваемых предметов. Однако истинность познания сама должна быть доказана, поэтому она может играть роль промежуточного, но не окончательного критерия. Последним должен быть объективный процесс, обладающий высокой степенью всеобщности.

Таким главным критерием истинности оценки, ее соответствия ценностям выступает общественно-историческая практика, в процессе которой и образуется сама об-

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 341.

¹⁹ «Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г.». М., 1983, стр. 30.

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 42—23.

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 30; т. 2, стр. 103.

щественная значимость, ценность. Не случайно В. И. Ленин указывает на практику как на «определятель связей предмета с тем, что нужно человеку»²².

Конкретный механизм, посредством которого практика верифицирует истинность оценки, может проявляться по-разному, в различных формах. Во-первых, согласно марксистско-ленинскому положению, практика является критерием истинности человеческого познания. Поэтому если познание (истинное) общественной значимости есть показатель истинности оценки, то практика, служа критерием истинности познания, служит опосредованно и критерием истинности оценки. Во-вторых, поскольку оценка основывается на познании объективной действительности и поскольку она сама содержит в себе определенный познавательный компонент, то по отношению к этому гносеологическому содержанию практика выступает в качестве критерия истинности. Наконец, в-третьих, оценка имеет также определенное гносеологическое содержание, отражающее потребности, интересы, цели оценивающего субъекта (нельзя при этом забывать условность такого разделения содержания оценки). Выше уже было отмечено,

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 146.

что, только когда эти потребности, интересы и цели совпадают с общей тенденцией общественного прогресса, оценка, сделанная на их основе, истинна. К этому можно добавить, что высшим критерием такого совпадения может быть только практическая деятельность людей. Не существует лучшей формы доказательства единства интересов субъекта и общества, чем сам объективный процесс материального производства — основа жизни общества, революционно-преобразующая деятельность классов и все другие формы практической общественной деятельности, ведущие к изменению мира. Правдивость и научность марксистско-ленинских идеологических оценок доказана самой историей и прежде всего практикой успешного строительства социализма и коммунизма на большой части планеты. Не случайно поэтому на I съезде Коммунистической партии Кубы товарищ Фидель Кастро говорил, что «марксистско-ленинская идеология — непобедимая наука революции и коммунизма — представляет собой одно из наиболее выдающихся исторических завоеваний нашего народа в его титанической вековой борьбе... Именно наша идеология делает нас сильными и непобедимыми»²³.

²³ «I съезд Коммунистической партии Кубы». М., 1976, стр. 208—209.

Исторические объяснения и их роль в современной биологии

Б. А. НАВРОЦКИЙ (Волгоград)

Одной из характерных черт биологии как науки является ее историзм. Начиная со второй половины XIX столетия благодаря великому открытию Чарльза Дарвина любое явление в биологии обычно рассматривают и с точки зрения настоящего и как наследие длительного исторического процесса. Успехи биологического историзма способствовали выработке и закреплению в этой науке своеобразной манеры исследования, когда сравнительно-исторический, описательный по своему существу метод сочетался со столь же привычными историко-теоретическими обобщениями. Однако в настоящее время ситуация меняется. Лидером биологического познания становится эксперимент, и это вносит существенные изменения в структуру биологического знания.

Смысл этих изменений заключается в следующем. Генетически экспериментальный метод связан с точным естествознанием, но результаты физико-химических экспериментальных исследований, как правило, не объясняют ссылками на историю. Типичной формой их рационального осознания явля-

ются неисторические законы и неисторические теории. Ясно, что эти традиции не безразличны для биологии и оказывают заметное влияние на привычный стиль мышления, сложившийся в этой науке¹. Определение границ такого влияния, как и более общий вопрос о характере взаимоотношений биологического историзма и теоретико-познавательных традиций точного естествознания, важен для понимания логики и методологии биологического познания, для развития биологии в целом. Этот вопрос

¹ Биологи и философы, изучающие биологическое знание, отмечают факт такого воздействия. Наиболее удачно это сделано в работе: И. Т. Фролов. Жизнь и познание, М., 1981, стр. 200—208, а также в статье Т. Добжанского, название которой — «Не являются ли натуралисты старомодными?» — показывает не только рациональное, но и, как видно, эмоциональное отношение автора к этому вопросу (см. Т. Добжанский. Не являются ли натуралисты старомодными? — В кн.: «Философские вопросы биологии и биокибернетики», М., 1970).